

«Время собирать камни» (к истории Еврейского историко-этнографического музея и его коллекций)

В. Е. Кельнер

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 3А

Для цитирования: Кельнер В. Е. 2019. «Время собирать камни» (к истории Еврейского историко-этнографического музея и его коллекций). 2019. *Вопросы музеологии*, 10 (1), 43–55.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2019.104>

Статья посвящена истории создания в Санкт-Петербурге в начале XX в. Еврейского музея. Сам процесс этого сложного и трудоемкого дела начался еще в 1860-е гг. Он был тесно связан с появлением в стране еврейской интеллигенции и осознанием ею своих исторических задач в деле национального воспитания народа. В первую очередь в статье выделяются следующие аспекты этого дела: его общенародный характер, народническая и либеральная направленность, роль меценатства. Несмотря на то что фактическим идеологом всего процесса создания музея был участник русского народнического движения, член партии социалистов-революционеров, писатель, драматург и поэт С. (Ш.) Ан-ский (Ш. Раппопорт), это дело превратилось в общенародное, общенациональное. В нем приняли участие не только революционно настроенные люди, но и представитель русского либерального движения, видный участник русского политического процесса М. М. Винавер, сионисты, идишисты и представители практически всех многочисленных еврейских партий и общественных организаций. В статье подчеркивается, что музей, согласно идее его создателей, был частью единой научной и культурной системы, призванной объединить в единое целое все национальные институты под эгидой официально созданного в 1908 г. Еврейского историко-этнографического общества. Много места в работе уделено истории руководимых С. Ан-ским экспедиций, работавших на территориях еврейской оседлости, по сбору материалов, документов и предметов; ликвидации музея в 1929 г. и дальнейшей судьбе его коллекций, влиянию музеологических идей создателей этого музея на дальнейшее развитие национального музейного дела в стране.

Ключевые слова: музей, этнография, Ан-ский, экспедиции, евреи, быт, культура.

Еврейский музей — одна из особенностей нынешнего века, нынешнего взгляда, нынешнего интеллектуального уровня.

В. Стасов, 1878 г.¹

Я хотел бы пожелать, чтобы каждый еврей посетил этот музей, когда для евреев в этой стране настанут лучшие, более радостные времена, когда этот музей разрастется и превратится в настоящий богатый еврейский музей.

Из выступления Шолом-Алейхема 14 (27) мая 1914 г.²

Зимой 2002/2003 г. аспирант Университета Южной Калифорнии Алиса Орлова, работавшая в Петербурге над диссертацией по истории создания и деятельности Еврейского общества поощрения художеств, обратилась ко мне, в то время сотруд-

¹ Стасов, 1879. С. 259.

² Цит. по: Дымшиц, 2009. С. 3.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

нику недавно созданного объединения «Петербургская Иудаика», с просьбой посетить мастерскую художника и преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета культуры (СПбГУКИ) А. С. Пастернака и дать ему консультацию по поводу находящихся в его мастерской фотографий. Дело было в том, что Пастернак, въехав в это помещение, через какое-то время обратил внимание на хранящуюся в старом диване, оставшемся от прежних хозяев, коробку с фотографиями. На обороте этих фотографий были карандашные надписи на непонятном для него языке. Однако само содержание фотографий говорило о том, что они посвящены жизни, быту и культуре еврейского населения Российской империи. Даже после первоначального беглого просмотра фотографий В. А. Дымшицу и автору этой статьи, сотрудникам «Петербургской Иудаики», приехавшим в мастерскую, стало понятно, что перед ними пропавшая часть знаменитой коллекции этнографической экспедиции С. Ан-ского (Ш. Раппопорта) — до конца 1920-х гг. часть фондов Еврейского историко-этнографического музея (ЕИЭМа) в Петербурге.

Идея создания такого музея впервые была публично высказана известным русским художественным критиком В. Стасовым в 1879 г. под впечатлением от знакомства с коллекцией еврейских ритуальных предметов, представленных на Всемирной выставке в Париже в 1878 г. Нельзя сказать, что эта идея была тут же подхвачена еврейской общественностью. В принципе стремление к познанию собственной истории на территории Российской империи, в разных концах которой евреи жили уже на протяжении многих веков, было обозначено еще в первые годы деятельности созданного в 1863 г. Общества для распространения просвещения среди евреев в России (ОПЕ). Идея создания национального музея начала свое хождение среди еврейской интеллигенции, видимо, с 1870-х гг. Пока не очень многочисленные представители только формирующейся группы евреев, получивших высшее образование и вовлеченных в изучение истории своего народа, воспринимали азы музейного дела, только посещая подобные выставки и учреждения во Франции и Германии. Однако слишком много насущных проблем стояло перед малочисленной еврейской интеллигенцией в тот период, чтобы начать подобное трудоемкое дело.

Естественно, создание подобного музея, как неперменной части всего исторического научного комплекса, только позднее стало составным элементом всех усилий по организации в России еврейского исторического общества. В начале 1880-х гг. эта идея, как говорится, «уже носилась в воздухе». Видимо, первым на страницах русско-еврейской печати ее высказал живший в Вильно Я. Гишовский. В 1886 г. в журнале «Восход», основном тогда еврейском периодическом издании, выходившем на русском языке, он сетовал: «Мы, русские евреи, до сих пор почти совершенно не разрабатываем еврейской истории, то есть почти ни разу не заявляли себя каким-нибудь серьезным оригинальным исследованием ее...»³ Далее он предлагал развернутую программу по организации целого комплекса исследований. Среди его предложений было и создание Исторического общества⁴, ведь исторические общества в той или иной форме уже существовали в ряде стран Западной Европы.

Но в тот момент призыв мало кому известного человека не был встречен с должным вниманием. Однако спустя несколько лет, в 1891 г., подобный призыв

³ Гишовский, 1886. С. 5.

⁴ Там же. С. 16–18.

возымел самый живой отклик среди еврейской интеллигенции. Молодой, но уже известный тогда публицист, литературный критик и историк С. М. Дубнов все в том же журнале «Восход» опубликовал специальную работу «Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества»⁵. Нельзя не сказать о том, что свою концепцию С. М. Дубнов обсуждал на заседаниях существовавшего в Одессе общества «Беседа», объединявшего таких крупнейших в те годы еврейских публицистов, литераторов, философов, историков, писателей и общественных деятелей, как М. Г. Маргулис, М. Рабинович (Бен-Ами), Менделе Мойхер-Сфорим, И.-Х. Равницкий, Х.-Н. Бялик⁶. В названной работе Дубнов, среди прочего, обосновывал необходимость создания Еврейского исторического общества, ссылаясь на опыт создания подобных учреждений в первую очередь во Франции.

Фактически вслед за этим очерком С. М. Дубнов опубликовал и воззвание, а скорее инструкцию к действию — «О совокупной работе по собиранию материалов для истории русских евреев»⁷. Последовавшие за ним работы послужили толчком не только к основанию Исторического общества, но и конкретно к созданию его архива и музея⁸. Уже при самом основании этого общества, при первой проработке концепции, идея о создании музея как неотъемлемой части всего комплекса стояла на одном из первых мест.

Практически в то же время в Санкт-Петербурге те же идеи обсуждались в Обществе для распространения просвещения между евреями в России. В структуру этого общества входила Историческая комиссия. До середины 1880-х гг. вся ее деятельность замыкалась на фигуре сотрудника Императорской Публичной библиотеки А. Я. Гаркави⁹. Но выдающийся ученый, востоковед и специалист в области иудаики по свойствам своего характера менее всего подходил для роли организатора и вдохновителя комплексных исследований и руководителя специальных научных структур. Наиболее профессионально подготовленным к этой миссии был профессиональный архивист, выпускник и сотрудник Археологического института С. М. Гольдштейн. В конце 1880-х гг. активистами Исторической комиссии стали представители молодой еврейской интеллигенции, среди которых выделялся начинающий адвокат, а затем и крупный политический деятель общероссийского масштаба М. М. Винавер¹⁰.

Одновременно с петербургскими энтузиастами определенные усилия по созданию собственных музеев предпринимались и в таких еврейских центрах, как Вильно и Одесса¹¹. В Вильно, древнейшем центре еврейской исторической жизни на территории тогдашней Российской империи, уже существовало «Общество любителей еврейской старины» во главе с известным общественным деятелем Я. Выгодским¹². Здесь, в этом старом центре ашкиназийского еврейства, на родине пер-

⁵ Дубнов, 1891. С. 1–91.

⁶ Кельнер, 2008. С. 189–190.

⁷ Кельнер, 1891. С. 34–38.

⁸ Лукин, 2004. С. 79–81.

⁹ Центральный государственный архив Украины. Ф. 995. (А. Я. Гаркави). Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 10–12.

¹⁰ Кельнер, 2018. С. 80–82.

¹¹ Лукин, 2004. С. 81.

¹² Там же. С. 81–82; Залменсон, 1914. С. 34–35; Кнорринг, 2004. С. 180–185.

вого в России скульптора еврейского происхождения М. Антокольского, еврейский музей открыли в январе 1914 г.¹³

Дело было за тем, чтобы организовать поиск и приобретение всего того, что составляет суть историко-этнографического музея — предметов еврейской культуры, в том числе и изобразительных материалов. По мнению израильского исследователя В. Лукина, первым в этом направлении начал работать этнограф, историк, поэт и драматург С. (Ш.) Ан-ский (Ш. Раппопорт)¹⁴. В отличие от многих других участников процесса создания Музея Ан-ский был участником русского революционно-го движения, народником и, более того, членом партии социалистов-революционеров. Воспринятая еще в юности идеология народничества трансформировалась у него в увлечение еврейской этнографией, в изучение всех видов еврейского народного искусства и фольклора. Свои искания он первым стал проводить и пропагандировать «среди народа»¹⁵. Согласно воспоминаниям М. М. Винавера, «Ан-ский читал доклады, показывал световые картины своих путешествий, но главная его забота была направлена на создание Музея»¹⁶. Он сосредоточился на сборе предметов народного быта и фольклора. А для этого требовалось организовать специальные экспедиции в черту оседлости, туда, где уже на протяжении нескольких веков проживала основная масса российского еврейства. Как считает украинский исследователь И. Сергеева, «этнографический проект Ан-ского — это продолжение историографического (и политического — «диаспорного») проекта С. Дубнова»¹⁷.

В силу исторических обстоятельств первыми еврейскими историками, этнологами и музейщиками были носители совершенно иных специальностей. Практически никто из них не имел специального образования и музейных навыков. Первый еврейский музей в России создавался врачами, юристами, инженерами и коммерсантами, людьми, не только влюбленными в свой народ и его народную культуру, но и делающими все для ее сохранения. В то же время следует учитывать, что у истоков этого дела стояли люди, представлявшие все сегменты тогдашнего еврейского общества в России. Это были как еврейские, так и русско-еврейские интеллигенты: левые народники-идишисты, социал-демократы, либералы, члены различных как еврейских национальных, так и общероссийских партий и движений. Если в создании Исторической комиссии при ОПЕ на рубеже 1880–1890-х гг. первоначально участвовали палестинофил В. (З.) Берман, либерал М. М. Винавер, национально-народнически настроенный автономист С. М. Дубнов, то уже на следующем этапе, в период первоначальной деятельности по созданию собственно музея, это дело взял в свои руки именно С. (Ш.) Ан-ский¹⁸, что не могло не придать всему процессу организации музея особый идеологический характер. «Верный ученик и последователь» русской народнической школы, Ан-ский приступил к исследованию народной культуры. Если многие русские народники, находясь в ссылке (а среди них были и революционеры еврейского происхождения: В. Иохельсон, Л. Штейнберг, В. Тан-Богораз, М. Кроль), стремились воплотить свои идеологические устремле-

¹³ Лукин, 2004. С. 82.

¹⁴ Там же. С. 78.

¹⁵ Safran, 2010.

¹⁶ Винавер, 1926. С. 290.

¹⁷ Сергеева, 2003. С. 399.

¹⁸ Лукин, 1995; Safran, 2010.

ния в изучение народов Севера и Сибири, то Ан-ский сосредоточил все усилия исключительно на исследовании жизни и быта своего народа¹⁹.

Первоначально и в концепции С. Дубнова, и в работе Исторической комиссии при ОПЕ термин «музей» не имел активного хождения. Согласно Дубнову, сначала следовало создать значительную коллекцию исторических источников и издать их, ознакомив, таким образом, с национальной историей как можно большее количество евреев. До начала XX в. в стране еще не сложилась «критическая масса» тех, кто мог бы стать потребителем такого музея. Ведь после реформ 1860-х гг. в крупных городах, вне черты оседлости, а тем более в Санкт-Петербурге проживало еще весьма незначительное количество евреев. Официально их численность к 1910 г. немногим превышала 35 тыс. человек²⁰. Естественно, полноценный еврейский музей мог быть основан только в столице империи, в Санкт-Петербурге. И дело тут было не в численности в столице еврейского населения, а в его социальном положении и образовательном уровне. Сплотившись еще с 1860-х гг. вокруг ОПЕ и возглавлявшей его семьи Гинцбургов, петербургские евреи обладали хотя и довольно скромными, но все же действенными связями и контактами с представителями высшей бюрократии²¹. Но, главное, только коренные изменения в национальном самосознании евреев позволили им приступить к практическим шагам по формированию собственных институтов, таким как Еврейское историко-этнографическое общество (ЕИЭО) и музей. То, что музей должен был находиться под эгидой и контролем официально существующего с 1908 г. в Петербурге Еврейского историко-этнографического общества, предложил главный спонсор экспедиции Ан-ского В. Гинцбург²². Дело об определении официального статуса музея являлось некоей проблемой в противостоянии между различными еврейскими структурами Петербурга и Москвы. В итоге документально он был утвержден лишь в 1915 г.²³ При этом все сходились на том, что учреждение музея — это определенный этап в деле исторического воспитания масс в момент общественного и национального подъема национальных чувств российского еврейства.

Вместе с тем нельзя не отметить и то, что не менее толерантно относились к этому делу, считая его общенародным, представители всех политических взглядов: либералы, сионисты, бундисты. Такой подход позволил Ан-скому с помощью М. Винавера искать средства на организацию экспедиций в черту оседлости для поиска и приобретения для музея предметов материального быта и фиксации объектов народного творчества у представителей еврейской экономической элиты — «гвиоров». К таким людям, бесспорно, относились члены клана Гинцбургов, на протяжении более 50 лет руководившие ОПЕ и субсидировавшие ее²⁴. Первая

¹⁹ Сергеева, 2003. С. 393–472.

²⁰ Юхнева, 1984. С. 208.

²¹ Натанс, 2007. С. 195–202.

²² Сергеева, 2003. С. 405.

²³ Лукин, 2004. С. 86. Думается, тот факт, что обсуждение этого проекта проходило и на страницах сионистского еженедельника «Рассвет» (Лурье, 1913. С. 31–34), а основополагающая статья Ан-ского появилась в сборнике «Пережитое» (Ан-ский, 1908), в первую очередь говорит об общенациональном характере этого дела.

²⁴ Но, будучи социалистом, Ан-ский в личной переписке с единомышленником не мог не иронизировать по этому поводу. Он писал социалисту и народнику Х. Житловскому: «Барон Гинцбург чрезвычайно богат. И вот он дает деньги на приобретение старых еврейских вещей, потому что хочет стать кем-то вроде Иисуса или Мухаммеда» (цит. по: Лукин, 1995. С. 77).

«пробная» экспозиция стараниями членов Исторической комиссии ОПЕ появилась еще 1903 г. в помещении Петербургской главной (хоральной) синагоги²⁵. Более чем весомый вклад в это дело внес известный предприниматель и меценат М. Гинзбург, который в здании построенной на его средства Еврейской богадельни выделил музею специальное помещение (Васильевский остров, 5-я линия, д. 50)²⁶.

Непосредственно «под знамена» Ан-ского встали такие энтузиасты, как А. Рейхтман, И. Фикангур, И. Лурье, Б. Рубштейн, С. (Ш.) Юдовин, Л.-И. Вайнштейн²⁷. Следует отметить, что среди первых создателей музея было немало слушателей так называемых Высших курсов востоковедения и непосредственно учеников С. М. Дубнова. К этому времени некие музейные структуры начали появляться не только в признанных еврейских центрах, таких как Вильно и Одесса, но и в других городах. Так, в «новом» еврейском городе Екатеринославле в составе Областного музея им. А. Н. Поля был создан специальный Еврейский отдел²⁸.

Большую консультативную и организационную помощь в создании Еврейского музея оказывал Л. Я. Штернберг, уже тогда сотрудник Музея антропологии и этнографии. Хотя он, как и некоторые другие евреи-народники, находясь в ссылке, увлекся исследованиями этнографии народов Сибири, все же не забывал он и того, что родился и вырос в сердце еврейской черты оседлости — Житомире²⁹. Штернберг не раз присутствовал на заседаниях правления ЕИЭО и выступал с докладами³⁰.

Для создания еврейского музея решающими стали те изменения, которые произошли в российском обществе в результате общественных потрясений 1905–1907 гг. Новая политическая реальность привела к тому, что в стране легально начали создаваться и национальные, в том числе историко-культурные объединения. В 1908 г. было официально утверждено создание Еврейского историко-этнографического общества. В системе историко-этнографического общества этот музей, наравне с журналом «Еврейская Старина», архивом, библиотекой, стал его важнейшей составной частью.

Но если архив и библиотека создавались на основе уже имеющихся коллекций, собиравшихся в рамках деятельности ОПЕ и частными лицами, то для музея требовалось выявить в первую очередь исторические и бытовые артефакты, которые должны были составить основу экспозиций. По существу, главным, а подчас и единственным источником могли стать территории в черте оседлости, с их синагогами, местными собраниями, коллекциями, библиотеками, а главное, энтузиастами дела исторического воссоздания еврейской жизни на этих территориях.

Главной движущей силой процесса сбора артефактов и теоретиком «еврейского» музейного дела стал Ан-ский. В 1909 г. он писал:

---

²⁵ Лукин, 2004. С. 79–80.

²⁶ В этом же здании размещалось и Еврейское общество поощрения художеств во главе с М. М. Винавером.

²⁷ Сергеева, 2015.

²⁸ Топоровский, 1912. С. 338–339.

²⁹ Кан, 2009. Р. 237.

³⁰ Штернберг, 1912. С. 302–329.

Ввиду интенсивного проникновения в еврейскую массу новых культурных веяний, грозящих уничтожить множество остатков еврейской старины и народного творчества, крайне необходимо приступить по возможности скорее к собиранию:

1. Материалов по фольклору: записыванию, со всей научной точностью преданий, легенд, сказок, притч, песен, пословиц, поговорок, присловий, загадок, особенностей местных диалектов и т. п. Записыванию обычаев, поверий, заговоров, примет, лечебных средств и т. п.
2. Исторических материалов, касающихся каждой местности, — пинкосов, документов, старинных бумаг, мемуаров, рассказов очевидцев и проч.
3. Предметов еврейской старины (для будущего еврейского музея): старинные книги, рукописи, документы, предметы еврейского искусства: «Misrachim», поройхесы, резьба на амвоне, менойры, украшения свитков Завета, предметы культа, старинные женские украшения, старые костюмы, реликвии, предметы, связанные с памятью выдающихся лиц или выдающихся событий, т. п.
4. Проводить фотографические снимки типов, сцен, исторических мест, памятников, старинных или замечательных зданий, предметов и др.³¹

Для проведения столь масштабных работ требовались немалые средства и поддержка руководства ОПЕ, как в столице, так и в провинции. В данном случае народники, представленные Ан-ским, не могли не «пойти на поклон» к представителям еврейской финансово-промышленной элиты и еврейской либеральной интеллигенции. Одним из первых крупных спонсоров готовящейся экспедиции стал В. Г. Гинцбург. В 1911 г. он предоставил руководителям экспедиции 10 тыс. руб.³² В создании концепции работы экспедиции, задачей которой было собрать все необходимое для формирования музея, приняли участие практически все руководители Еврейского историко-этнографического общества. В июле 1912 г. в черту оседлости выехали первые участники экспедиции. Среди них был и молодой фотограф, впоследствии известный художник С. (Ш.) Юдовин³³.

Но, признавая тот огромный вклад, который внесли в дело формирования фондов Еврейского историко-этнографического музея участники экспедиций, нельзя не сказать и о том, что немало экспонатов было доставлено другими лицами — любителями и собирателями старины, проживавшими в разных концах страны. Примечателен тот факт, что один из самых видных участников деятельности ЕИЭО, секретарь редакции «Еврейской Старины», сотрудник его архива И. Лурье привез в музей несколько экспонатов даже из Палестины, куда ездил в 1913 г.³⁴

Экспедиция работала несколько лет, и ее деятельность была прервана только с началом Первой мировой войны. Активный участник этого грандиозного по тем временам дела, композитор и музыковед Ю. Энгель, позднее вспоминал: «...собранного только за два года материала оказалось так много, что он послужит богатейшим фундаментом для проектируемого еврейского музея»³⁵. Согласно воспоминаниям одного из участников экспедиций, А. Рейхтмана, в распоряжении которого в начале войны оказалось значительное количество собранных материалов, он, отправляясь в эмиграцию в США, «не успел взять с собой огромную коллекцию

³¹ Цит. по: Лукин, 1995. С. 129.

³² Сергеева, 2003. С. 403.

³³ Иванов, 2005.

³⁴ Отчет ЕИЭО за 1913 г. *Еврейская Старина* 1913: 288; 1914: 511–512.

³⁵ Цит. по: Сергеева, 2003. С. 413.

(около 1500) этнографических снимков, а также две сотни тетрадей с заметками об Экспедиции». Он оставил все это в своем родном городе Проскурове, где, по его сведениям, это собрание погибло в период Гражданской войны и еврейских погромов³⁶.

Военные действия, в 1915 г. стремительно приближавшиеся к районам работы экспедиции, привели к тому, что ее деятельность столкнулась с почти непреодолимыми препятствиями. Встал вопрос уже не о собирании материалов, а о спасении национальных реликвий. Огромную роль в этом деле сыграл специально уполномоченный руководством ЕИЭО историк и искусствовед Б. Рубштейн. Он выехал в зону военных действий, которая проходила уже непосредственно в районах черты оседлости. По данным петербургского историка А. И. Хаеша, им были отправлены в Петроград «сотни свитков Торы, пинкосы, синагогальная утварь, библиотеки иешив»³⁷. Собранные материалы разместили в помещении будущего музея и тут же приступили к их обработке. В 1915 г. М. А. Гинзбург, меценат и общественный деятель, еще совсем недавно предоставивший ЕИЭО помещение для устройства музея, финансировал доставку в Петроград еврейских религиозных книг и прочих артефактов, собранных евреями-солдатами в зоне боевых действий, проходивших в черте еврейской оседлости.

Война значительно замедлила ход создания Еврейского историко-этнографического музея, но полностью не остановила процесс. Часть сотрудников ЕИЭО была призвана в армию, другие задействованы на срочных работах по приему и обустройству беженцев. И все же работа продолжалась. К этому времени в фондах находилось уже «700 с лишним предметов старины, имеющих музейную, художественную и реликвийную ценность...»³⁸ Среди доставленных в Петроград музейных предметов были, по словам Ан-ского, «коллекция старинных оригинальных рисунков, заглавных листов пикасов, мизрахов, кеттуб и др., около 1500 фотографических снимков со старинных синагог, внутреннего их украшения, кивотов, амвонов, художественных предметов культа, надгробных памятников, типов, сцен и т. п.»³⁹ Не содействовало быстрой организации всего музейного дела и то, что сам Ан-ский не имел права постоянного проживания в столице империи. Поэтому обязанности по окончательному оформлению и официальной регистрации музея, даже в качестве подразделения уже существующего ЕИЭО, взяли на себя заведующий архивом этого общества С. Гольдштейн и сотрудник его архива, секретарь редакции «Еврейской Старины» и один из самых активных «строителей» музея И. Лурье⁴⁰.

Официальное открытие Музея состоялось 19 апреля 1914 г.

На протяжении осуществления работ весь процесс по устройству музея находился под контролем ЕИЭО. С 1909 г. в «Еврейской Старине» публиковались сведения о поступлении экспонатов в фонды будущего музея⁴¹. Душой этого дела,

³⁶ Дымшиц, 2009. С. 8.

³⁷ Хаеш, 2013. С. 142–143.

³⁸ Лукин, 2004. С. 85.

³⁹ Раппопорт (Ан-ский), 1917. С. 34–35.

⁴⁰ Лукин, 2004. С. 86. Позднее, в 1920-е годы, И. Лурье стал создателем Музея бухарского еврейства в Самарканде (Носоновский, 1995).

⁴¹ Еврейская Старина 1909: 300; 1910: 60, 319–320; 1913: 88; 1914: 511–512.

его основной идейной и организационной силой являлся С. Ан-ский⁴². Выступая в апреле 1914 г. перед руководством ЕИЭО, как бы подводя некоторые итоги работы, он сказал: «Перед каждым народом, живущим исторической жизнью, стоит на первом плане задача самопознания. Главным, если не единственным средством к достижению этой цели является изучение жизни народа, его прошлого и настоящего, его быта, верований поэтического и художественного творчества...» А для этого, по мнению Ан-ского, следовало проводить «систематическое собирание произведений народного творчества... этнографических предметов и реликвий для будущего еврейского музея»⁴³.

Музей был призван приобрести огромное национальное воспитательное значение. Он привлек большое внимание общественности. В апреле 1914 г., незадолго до эмиграции в США, его экспозицию посетил Шолом-Алейхем. Постоянные контакты с музеем имели такие знаковые фигуры еврейской литературы, как Х.-Н. Бялик, Менделе Мохер-Сфорим, С. Фруг, целый ряд еврейских художников.

Но вскоре музей пришлось закрыть. Время войн и революций не способствовало его существованию. Попытки возобновить работу Еврейского историко-этнографического музея были предприняты в 1917 г., а в апреле 1918 г. власти под предлогом ревизии коллекций опечатали помещения, где находились архив и музей⁴⁴. После эмиграции С. М. Дубнова руководство ЕИЭО перешло в руки Л. Я. Штернберга⁴⁵. В 1922 г. он опубликовал статью, в которой провозглашал возрождение этого общества⁴⁶. Заново музей открылся, да и то ненадолго, только в 1923 г. Сам Ан-ский, как и многие его соратники, еврейские историки и литературоведы и близкие к этому делу общественные деятели, в том числе и основные руководители ЕИЭО, эмигрировали, в основном в страны Европы и в США. Покидая Петроград, часть своих личных архивов и коллекций они передавали в фонды руководимого ими общества. Кардинально изменилась и вся структура финансирования этого дела. Однако и теперь в основе музейной концепции лежали принципы, разработанные раньше, связанные с идеей Ан-ского о том, что, в отличие от общепринятых в мире образцов, этот еврейский музей не только и не столько должен стать хранилищем предметов народного быта и искусства, сколько (в первую очередь) служить целям национального возрождения народа. Музей, как общенациональное дело, должен был превратиться в центр, символ единения. И по крайней мере на первом своем этапе дело создания музея носило «идейный характер». Это было обусловлено прежде всего тем, что самым активным его участником и теоретиком был социалист и народник Ан-ский.

Музей с самого начала задумывался как часть всего еврейского культурного и научного комплекса, каким и было ЕИЭО. На протяжении нескольких лет после событий 1917 г. руководство музея и общества, те активисты, кто еще оставался в городе, время от времени получали некоторую материальную помощь от соответствующих органов власти. Но, наблюдая за разгромом русской культуры, ведущие деятели ЕИЭО, естественно, испытывали беспокойство за судьбу своего детища.

---

⁴² Safran, 2010.

⁴³ Еврейская Старина 1914: С. 31–32.

⁴⁴ Лукин, 1992.

⁴⁵ Кан, 2009. Р. 385.

⁴⁶ Штернберг, 1922.

В мае 1918 г. Ан-ский передал наиболее ценную с его точки зрения часть коллекции в фонды музея, ныне называемого Российским этнографическим⁴⁷. Выбор для хранения этих материалов, вероятнее всего, был обусловлен тем, что в этом музее работал ветеран русского революционного движения Л. Я. Штернберг, что до поры до времени давало возможность сохранять имеющиеся ценности.

Постепенно дело руководства еврейскими научными структурами перешло в руки историка еврейской культуры и литературы С. Л. Цинберга. Он возглавлял работу таких еще действовавших еврейских национальных научных институций, как ОПЕ и ЕИЭО, редактировал журнал «Еврейская Старина»⁴⁸. С 1925 г. по 1929 г. непосредственно Еврейским историко-этнографическим музеем руководил известный врач и общественный деятель А. М. Брамсон. Время от времени некоторые средства на еще остававшиеся в городе еврейские научные и просветительные организации поступали из-за границы, в том числе и от Джойнта⁴⁹. Но и в этот период фонды музея продолжали пополняться. В 1926 г. в экспозиции появились новые экспонаты — предметы религиозного быта, искусства и национальной повседневной жизни. В отчете ЕИЭО за 1923 г. упоминается о поступлении в музей «40 пинкосов (оригиналы), 70 копий и переводов, 200 рукописей (раввинской, каббалистической и светской литературы), 160 старопечатных книг (преимущественно XVII и XVIII веков)»⁵⁰. Нельзя не отметить тот факт, что «пополнение» фондов ЕИЭО в те годы еще обеспечивалось проводимой повсеместно политикой советизации еврейства, закрытием синагог и национальных общественных организаций, бегством из страны интеллигенции и страхом перед конфискациями. Тогда фонды музея еще представлялись надежным убежищем для национальной культуры. По данным израильского историка В. Лукина, к 1926 г. в фондах сконцентрировалось более 1000 наименований бытовых и ритуальных предметов, произведений искусства, 1500 фотографий⁵¹.

В конце 1929 г., после инициированной властями кампании по дискредитации «старых» буржуазных организаций, ЕИЭО, как и прочие еврейские научные и культурные объединения, было закрыто⁵². Позднее, уже в 1930-е гг., значительная часть фондов музея оказалась распылена по различным архивам, библиотекам и ведомствам не только в Ленинграде, но и на Украине⁵³.

---

⁴⁷ Дымшиц, 2009. Часть этих материалов вошла в современную «еврейскую» экспозицию этого музея.

⁴⁸ Элиасберг, 2005. С. 106–110.

⁴⁹ Перельман, 2010. С. 98.

⁵⁰ Еврейская Старина: 1923. С. 397.

⁵¹ Лукин, 1992. С. 252.

⁵² Бейзер, 1999. С. 307.

⁵³ Меламед, 2019; Сергеева, 2009. С. 196–223. — Немного дольше просуществовали еврейские музеи, созданные в Самарканде и Грузии. Туземно-еврейский музей (Музей бухарских евреев), созданный к середине 1920-х гг., ликвидировали в 1937 г. Видимо, тогда же был арестован и его руководитель И. С. Лурье, некогда активно участвовавший в создании Еврейского музея в Петербурге. А созданный в 1933 г. в Тбилиси Еврейский историко-этнографический музей закрыли в 1951 г. Это сопровождалось репрессиями в отношении сотрудников названных музеев. Так обширное книжное собрание, «спрятанное» после бегства из Петрограда и дальнейшей эмиграции М. М. Винавера, председателя ЕИЭО, поступило в фонды Библиотеки им. В. И. Вернадского в Киеве (сообщено И. Сергеевой).

Руководство музея, стараясь до последнего дня сохранить возможность использования части фондов, в том числе и коллекций, вероятнее всего, передало некоторые из них своим сотрудникам и людям, многие годы близко сотрудничавшим с ЕИЭО. Коллекция фотоснимков, сделанных в ходе экспедиций, перешла к С. (Ш.) Юдовину — тому, кто в ходе экспедиций производил фотофиксацию строений, бытовых сцен, предметов, делал фотопортреты жителей местечек. Вероятно, именно он и предоставил это собрание художнику Н. Альтману для использования в работе над иллюстрациями к произведениям еврейских писателей и поэтов. Сам Юдовин, создавая череду еврейских портретов и других работ, также неоднократно обращался к своим фотоопытам прошлых лет. Затем это собрание оказалось в мастерской художника А. С. Пастернака. Ныне коллекция входит в состав фондов Центра «Петербургская иудаика» при Европейском университете в Санкт-Петербурге. На ее основе в Европейском университете были проведены выставки и выпущено несколько каталогов⁵⁴.

Создание Еврейского историко-этнографического музея в Петербурге символизировало подъем национальных чувств российского еврейства. К началу XX в. оно уже в значительной степени отождествляло себя с Россией. Изучение своей собственной, национальной истории и культуры требовало включения в этот процесс представителей и «старой» интеллигенции, и «новой» — так называемой русско-еврейской интеллигенции. Среди многих научных и культурных начинаний первого десятилетия века, создания национальных общественных объединений, стремившихся содействовать культурному самоопределению российского еврейства, музейное дело стало одним из определяющих.

Литература

- Kan S. 2009. *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Nebraska: University of Nebraska Press.
- Safran G. 2010. *Wandering Soul: The Dibbuk's Creator, S. An-sky*. Cambridge; London: Cambridge University Press.
- Ан-ский. 1910. *Еврейское народное творчество. Пережитое*. Т. 1. СПб.: Брокгауз-Эфрон.
- Ан-ский. [Раппопорт С.] 1917. О еврейской этнографической экспедиции. *Еврейская жизнь*. Пг.: [Б.и.]: 3–8.
- Бейзер М. 1999. *Евреи Ленинграда. Национальная жизнь и советизация. 1917–1939*. М.; Иерусалим: Гешарим.
- Винавер М. 1926. *Недавнее*. Париж: Imprim; “Volter”.
- Гиршовский Я. 1886. *Несколько слов об изучении еврейской истории*. Кн. 5. СПб.: Восход, изд. А. Е. Ландау.
- Дымшиц В. А. 2009. *Первый Еврейский музей в России. Каталог*. СПб.: Петербургская Иудаика.
- Залменсон М. 1914. Письмо из Вильны. *Еврейский Музей. Рассвет* 4: 34–35.
- Кельнер В. Е. 2008. «Миссионер истории». *Жизнь и труды С. М. Дубнова*. СПб.: Издательский Дом «Мир».
- Кельнер В. Е. 2018. *Щит. М. М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX в.* СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб.
- Кнорринг В. 2004. Попытка Виленского отделения ОПЕ создать музей наглядных учебных пособий. *Из истории еврейской музейной деятельности. Еврейский музей. Сб. ст.* СПб.: Симпозиум: 180–184.
- Лукин В. 2004. «...Академия, где будут изучать фольклор» (Ан-ский — идеолог еврейского музейного дела). *Еврейский Музей. Сб. ст. / сост. В. А. Дымшиц, В. Е. Кельнер*. СПб.: Симпозиум: 57–94.

⁵⁴ Иванов, 2005; Дымшиц, 2009; Львов, 2007.

- Лукин В. 1995. От народничества к народу (С. А. Ан-ский — этнограф восточноевропейского еврейства). Евреи в России. *История и культура. Сб. науч. тр.* / отв. ред. Д. А. Эльяшевич. СПб.: Петербургский Еврейский университет.
- Лукин В. 1992. Фонд Еврейского Историко-этнографического общества в Центральном Государственном историческом архиве Ленинграда. *Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога. Сб. ст.* / отв. ред. И. Крупник. М.: Еврейское историческое общество: 245–254.
- Лурье И. 1913. О еврейском музее. *Рассвет* 50: 5–6.
- Натан Б. 2007. *За Чертой: евреи встречаются с позднимперской Россией*. М.: РОССПЭН.
- Сергеева И. 2003. «Хождение в еврейский народ»: этнографические экспедиции Семена Ан-ского в документах. *Ab Imperio* 4: 395–473.
- Стасов В. 1879. После всемирной выставки. *Еврейская библиотека* 7. СПб.: Изд-во А. Е. Ландау: 8–12.
- Топоровский Б. И. 1912. Еврейский «отдел» в Екатеринославском областном музее им. А. Н. Поля. *Еврейская Страница* 2: 328–329.
- Хаеш А. И. 2013. *Евреи Литвы. Исследования и материалы*. СПб.: Петербургский ин-т иудаики.
- Штернберг Л. Я. 1922. Возрождение историко-этнографического общества. *Еврейский вестник* 5/6: 3–6.
- Штернберг Л. Я. 1912. Новейшие работы по антропологии евреев. Доклад, читанный в Еврейском историко-этнографическом обществе 23 апреля 1912 г. *Еврейская Страница* 3: 302–329.
- Элиасберг Г. А. 2005. «...Один из прежнего Петербурга» С. Л. Цинберг — историк еврейской литературы, критик и публицист. М.: Российский гос. гуманитарный университет.
- Юхнева Н. В. 1984. *Этнический состав и этносоциальная структура населения С.-Петербурга: вторая половина XIX — начало XX в. Статистический анализ*. Л.: Наука.

Статья поступила в редакцию 3 марта 2019 г.;
рекомендована в печать 5 июня 2019 г.

Контактная информация:

Кельнер Виктор Ефимович — д-р ист. наук, проф.; Viktorkeln45@mail.ru

“Time to Gather Stones.” On history of the Jewish Historical-Ethnographic Museum and its collections

V. E. Kelner

European University at St. Petersburg,
Russian Federation, 191187, 3A, ul. Gagarinskaya, 3A

For citation: Kelner V. E. 2019. “Time to Gather Stones.” On history of the Jewish Historical-Ethnographic Museum and its collections. 2019. *The Issues of Museology*, 10 (1), 43–55. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2019.104> (In Russian)

This article is devoted to the history of the creation of the Jewish Museum in St. Petersburg in the early 20th century. The process of this complex and laborious business began in the 1860s. It was closely connected with the emergence of the Jewish intelligentsia in the country and with its awareness of its historical tasks in the national education of the people. First of all, the article highlights the following aspects of this case: its national character, its populist and liberal orientation, and the role of patronage. Despite the fact that the actual ideologist of the whole process of creating the museum was a member of the Russian populist movement, a member of the Party of Socialist Revolutionaries, writer, playwright and poet S. (Sh.) An-sky (Sh. Rapport) — this became a nationwide case. It was attended not only by revolutionary-minded people, but also by a representative of the Russian liberal movement—a prominent participant in the Russian political process, Cadet M. Vinaver — Zionists, Yiddishists and representatives of almost all the numerous Jewish parties and public organizations. The article highlights the point that, according to the idea of its creators, the museum was part of a single

scientific and cultural system, designed to unite all national institutions under the auspices of the Jewish Historical and Ethnographic Society, officially established in 1908. Much space in the work is given to the history of expeditions, led by S. An-skim, that worked on the territory of the Jewish Pale to collect materials, documents and objects, and the liquidation of the Museum in 1929.

Keywords: Museum, ethnography, An-sky, expedition, Jews, way of life, culture.

References

- An-skiy. 1908. *Jewish Folk Art. Survival*, vol. 1. St. Petersburg: Brokgauz-Efron Publ.: 5–28. (In Russian)
- An-skiy S. 1917. About Jewish Ethnography Expedition. *Evreiskaia zhizn'*. Petrograd: [S.n.]: 3–8. (In Russian)
- Beyzer M. 1999. *Jews in Leningrad*. Moscow; Jerusalem: Gesharim. (In Russian)
- Dymshits V. A., 2009. *The First Jewish Museum in Russia. Catalog*. St. Petersburg: Petersburg Iudaika Publ. (In Russian)
- Ehliasberg G. A. 2005. *One from former Petersburg*. Moscow: Rossiiskii gos. gumanitarnyi universitet Publ. (In Russian)
- Girshonovskiy Y. 1886. Several World about Jewish History. *Voskhod* 5: 1–18. (In Russian)
- Kan S. 2009. *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Nebraska: University of Nebraska Press.
- Kelner V. E. 2008. *Missioner of History*. St. Petersburg: Mir Publ. (In Russian)
- Kelner V. E. 2018. *Shild: M. Vinaver and Jewish Question in Russia*. St. Petersburg: Evropeiskii universitet v Peterburge Publ. (In Russian)
- Khaesh A. I. 2013. Jews of Lithuania. Tracings and Materials. St. Peterburg. Petersburgskii Institut Iudaiki Publ. (In Russian)
- Knorring V. 2004. Attempt Vilna Department Establish Museum. *Evreiskii muzei*. St. Petersburg: Simpozium: 180–184. (In Russian)
- Lukin V. 2004. Academia, where is Studies Folklore. *Evreyskii Muzei*. St. Petersburg: Petersburgskaia iudaika Publ.: 57–94. (In Russian)
- Lukin V. 1992. Fond the Jewish Historical-Ethnographic Society in Central State Archive in Leningrad. *Istoricheskie sud'bi evreev v Rossii i SSSR: nachalo dialoga. Sb. st.* Moscow: Evreiskoe istoricheskoe obshchestvo Publ.: 245–264. (In Russian)
- Lukin V. 1995. From People to Peoples. S. Anskiy — Ethnographer of Eastern European Jewry. *Evrei v Rossii: istoria i kultura*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii evreiskii universitet Publ.: 34–61. (In Russian)
- Lur'e I. 1913. About Jewish Museum. *Rassvet* 50: 5–6.
- Natans B. 2007. *Beyond The Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Safran G. 2010. *Wandering Soul: The Dibbuk's Creator, S. An-sky*. Cambridge; London: Cambridge University Press.
- Sergeeva I. 2003. Move to Jewish People: etnic expeditions S. An-skiy. *Ab Imperio* 4: 395–473. (In Russian)
- Shternberg L. Y. 1922. Revival Jewish Historical-Ethnographic Society. *Evreiskii Vestnik* 5/6: 3–5. (In Russian)
- Stasov V. 1879. After the World Exhibition. *Evreiai biblioteka* 7: 6–12. (In Russian)
- Vinaver M. 1926. *Recently*. Paris: Imprim. "Volter". (In Russian)
- Yukhneva N. V. 1984. *Ethnic composition and ethno-social structure of the population St. Petersburg. Statistical analysis*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)
- Zalmenson M. 1914. The Letter from Vilna. *Rassvet* 4: 34–35. (In Russian)

Received: March 3, 2019

Accepted: June 5, 2019

Author's information:

Viktor E. Kelner — Dr. Sci. in History, Prof.; Viktorkeln45@mail.ru